

Альфред Адлер

СНЫ И ИХ ТОЛКОВАНИЕ

Источник: Альфред АДЛЕР. Практика и теория индивидуальной психологии: Лекции по введению в психотерапию для врачей, психологов и учителей. М., Изд-во Института Психотерапии, 2002. 214 с. Номера страниц в данном тексте указаны так, как даны в книге.

Цель¹ толкования сновидений состоит в том, чтобы показать больному его подготовительную работу и упражнения, которые обычно разоблачают его как аранжировщика своего недуга, продемонстрировать, как он, опираясь на иносказательные символы и тенденциозно подобранные эпизоды, пытается подойти к имеющимся у него проблемам с той стороны, которая позволяет ему осуществить свое индивидуальное желание, заранее уже определенное его фиктивной целью. При этом мы всегда наблюдаем, как коррумпируется логика, здравый смысл, причем порой аргументы берутся даже из воздуха.

Мы имеем дело с древней проблемой, которую можно проследить до колыбели человечества. Глупцы и мудрецы бились над нею, короли и нищие хотели расширить границы своего миропонимания с помощью толкования снов. Как возникает сновидение? Что оно собой представляет? Как можно прочесть его иероглифы? В чем его смысл? Его цель?

Египтяне, халдеи, иудеи, греки, римляне и германцы прислушивались к руническому языку сновидений, в их мифах, сказаниях нередко скрыты следы напряженных поисков понимания снов, их толкования. Снова и снова как заклинание повторяется мысль: сон может открыть будущее! Знаменитые толкователи снов в Библии, Талмуде, у Геродота, Артемидора, Цицерона, в песне о Нибелунгах с несомненной уверенностью выражают убеждение: сновидение — это взгляд в будущее! И все помыслы были направлены на то, как же научиться толковать сновидения, чтобы выведать будущее. Даже сегодня желание постичь неведомое постоянно связывается с мыслью о сновидениях. Если же наше современное рационалистическое мышление внешне отбросило стремление снять покровы с будущего, осмеляло его, то нетрудно понять: это означало, что интерес к вопросам сна легко мог сделать исследователя всеобщим посмешищем.

Для того чтобы наметить границы нашего обсуждения, прежде всего нужно подчеркнуть, что автор отнюдь не считает сновидение пророческим откровением, которое может раскрыть будущее или неведомое. Углубленное изучение сновидений скорее говорит ему одно: что в осуществлении сновидения, равно как и всякого другого явления душевной жизни, задействованы те психические силы, которыми располагает индивид. Но тогда сразу же возникает вопрос, показывающий нам, что возможные перспективы пророческих снов вовсе не так уж легко установить, что они скорее способны запутать, чем прояснить ситуацию. Этот трудный вопрос звучит следующим образом: разве человеческому духу и в самом деле невозможно заглянуть в будущее хотя бы в известных, пределах, если он сам участвует в формировании этого будущего! Разве догадка, которую еще высокопарно называют интуицией, не играет в человеческой жизни намного более важную роль, чем предполагают иные несведущие критики?

¹ Впервые опубликовано в Zentralblatt für Psychoanalyse, Bd. 3, 1913, S. 574–583.

Объективное наблюдение позволяет нам получить своеобразное знание. Если этот вопрос ставится напрямую, то человек, как правило, отвечает на него отрицательно. Однако не будем обращать внимания на слова и мысли, которые выражаются вслух. Если мы спросим другие части тела, обратимся к его движениям, позам, поступкам человека, то получим совершенно другое впечатление. Хотя мы и отрицаем, что можем заглянуть в будущее, весь наш образ жизни выдает наше желание с уверенностью предсказывать будущие события, предугадывать их. Наши поступки явно указывают на то, что мы правильно или ошибочно придерживаемся наших знаний о будущем. Более того, легко доказать, что мы вообще не могли бы действовать, если бы представление о будущих событиях, которых мы желаем или боимся, не подстегивало бы нас, не направляло, не останавливало и не заставляло их избегать. Мы постоянно ведем себя так, как если бы заранее уже знали будущее, хотя и понимаем, что знать ничего не можем.

Начнем с мелочей жизни. Когда я что-нибудь себе покупаю, я заранее чувствую приятное, заранее радуюсь, предвкушаю.

Зачастую только эта твердая вера в заранее прочувствованную ситуацию с ее приятными или неприятными сторонами может заставить меня действовать или остановиться. То, что я могу при этом заблуждаться, не может мне помешать. Или же я могу остановиться, чтобы, одолеваемый пробудившимися сомнениями², заранее взвесить две возможные в будущем ситуации, не приходя ни к какому решению. Когда я лягу сегодня спать, я не буду знать, что случится завтра утром при пробуждении, однако я с этим считаюсь.

Но разве я действительно это знаю? Знаю так же, как то, что сейчас стою перед вами и говорю? Нет, это знание совсем другого рода. В моем сознательном мышлении его найти нельзя, но в моих манерах, в моих поступках отчетливо видны его следы. Русский исследователь Павлов сумел показать, что у животных, когда они, например, ожидают определенную пищу, в желудке выделяются соответствующие вещества, необходимые для пищеварения, как будто желудок заранее знал, догадался, какую еду он получит. Но это означает, что наше тело тоже должно считаться со знанием будущего, если оно хочет удовлетворять требованиям реальности, действовать. Это означает, что оно проделывает подготовительную работу, как бы предчувствуя будущее. Но этот учет будущего не имеет ничего общего с осознанным знанием. Однако обсудим это. Могли ли бы мы действовать, если бы своим сознанием, своим знанием настоящего должны были охватить будущее? Разве рассуждения, критика, постоянное взвешивание всех "за" и "против" были бы непреодолимым препятствием для того, что, собственно говоря, нам и необходимо, — для действия? Следовательно, наше мнимое знание будущего должно находиться в бессознательном, должно быть недоступно пониманию и сознательной критике. Существует болезненное душевное состояние — оно является широко распространенным и может проявляться с разной степенью тяжести (мнительность, навязчивое раздумье), — когда внутренняя потребность действительно заставляет пациента искать единственно верный путь для утверждения своего величия своего чувства личности, чтобы не найти его. Тягостное выяснение своей судьбы в будущем настолько усиливает его неуверенность в себе, предчувствия становятся настолько осознанными, что следует ответный удар: невозможность на сознательном уровне точно познать будущее наполняет пациента неуверенностью в себе и сомнением, и любое его действие нарушается вследствие постоянных колебаний. Это противоречие приводит к появлению бреда, мании, когда тайная, обычно бессознательная цель будущего выступает на передний план, совершает насилие над реальностью и со злым умыслом склоняет сознание к невозможным допущениям, чтобы защитить больное самосознание от промахов во время совместной работы в социуме.

² Как мне удалось показать, функцией сомнения в жизни, как и в неврозе, всегда является торможение агрессии, уклонение от решения и сокрытие всего этого от собственной критики. Для индивидуальной психологии, которая "оценивает людей не по словам, а по делам", сомнение означает безоговорочное "нет".

То, что сознательное мышление играет в сновидениях второстепенную роль, доказательств не требует. Большею частью молчит и критика спящих органов чувств. Что невероятного в том, что теперь ожидания, желания, опасения, которые из ядра личности распространяются на актуальную ситуацию спящего, проявляются во сне менее завуалированно?

Пациент, страдавший тяжелой формой табеса, со значительно ограниченной подвижностью и чувствительностью, вследствие болезни ставший слепым и глухим, был помещен в больницу. Так как не было никакой возможности с ним объясняться, его положение оказалось в высшей степени необычным. Когда я его увидел, он непрерывно требовал пива и покрывал какую-то Анну отборной бранью. Его непосредственное стремление и способ его осуществления были весьма стойкими. Но если представить себе функционирующим какой-либо из органов чувств, то становится ясным, что не только выражения пациента были другими, но и ход его мыслей протекал бы совсем иначе, скорректированный его положением. Таким образом, выпадение во сне коррекционной функции психики проявляется во многих направлениях: прежде всего в смещении поля зрения в бескрайнюю фантазию, а также в беспрепятственном выдвигании на передний план цели. Последнее — в противовес бодрствующей жизни — неизбежно ведет к усилению и акцентированию желаний, к аналогичным по содержанию, таким же обманчивым, но более заостренным выражениям и преувеличениям, которые, однако, опять-таки могут ограничиваться и сдерживаться вследствие стремления к предосторожности спящего. Хавэлок Эллис (Мир сновидений, Вюрцбург, 1911), приводя для объяснения другие причины, также отмечает это обстоятельство. Основываясь на воззрениях других авторов, и в вышеупомянутом случае и при анализе сновидений, можно считать, что вчувствование в реальную ситуацию может вызвать "рационализацию" (Ницше) конечной цели и ее "логическую интерпретацию".

Тем не менее предвосхищающая, предвидящая функция сновидений, направляющая действия индивида, всегда вполне очевидна³; она свидетельствует о подготовительной работе спящего в связи с его актуальным затруднением, которая соответствует линии жизни индивида, а не здравому смыслу, и всегда имеет целью самозащиту.

Попробуем проследить эти линии на одном примере. Пациентка с тяжелым страхом открытых пространств, заболевшая кровохарканьем, когда была прикована к постели и не могла вести свое торговое дело, увидела во сне следующее:

"Я вхожу в магазин и вижу, что девушки играют в карты".

Во всех известных мне случаях страха открытых пространств этот симптом всегда оказывался наиболее подходящим средством для того, чтобы возложить на других (на свое окружение, родственников, супруга, подчиненных) разного рода обязанности и, словно царь и Бог, устанавливать им законы. Это достигается приступами страха, а также тошноты и рвоты, благодаря чему больной приковывает к себе желанных лиц и отдаляет от себя нежеланных⁴. Каждый раз в таких случаях мне приходит на ум значительное сходство с плененным папой римским, заместителем Бога на земле, который, отрекаясь от своей свободы, усиливает религиозные чувства верующих, а затем вынуждает ходить к себе на поклон вельмож ("Шествие в Каноссу"), не позволяя им рассчитывать на ответный визит. Сновидение приходится на тот период, когда это взаимодействие сил было уже очевидным. Его интерпретация лежит на поверхности. Сновидящая переносится в будущую ситуацию, когда она уже сможет встать с постели и обнаружит различные преступления. Вся ее

³ Ранее этот вопрос рассматривался в "Агрессивном влечении" (1908 г.) (см. сборник "Лечение и воспитание") и "Психическом лечении невралгии тройничного нерва", в статье "К вопросу об учении о сопротивлении" (см. данную книгу), в "Сифилофобии" и в "Нервном характере".

⁴ Ср. Адлер А. "Органический субстрат психоневрозов" и выдержку из истории болезни вышеупомянутого пациента в статье "О роли бессознательного".

душевная жизнь проникнута убеждением в том, что без нее не может быть никакого порядка. Это убеждение она отстаивает и во всей остальной своей жизни, каждого ставит на свое место и с невообразимой педантичностью все исправляет. Ее неусыпная подозрительность постоянно вскрывает ошибки других. Пациентка стала такой изоцированной в своем недоверии, что с большей, чем у других, прозорливостью угадывает чужие промахи. О, она отлично знает, что делают служащие в ее отсутствие. Она знает также, что такое мужчины, когда они одни. Ибо "все мужчины одинаковы"! Потому-то и ее муж всегда должен оставаться дома.

Судя по подготовительной работе пациентки, как только она избавится от своей болезни легких, то, несомненно, обнаружит множество упущений в магазине, который расположен рядом с ее домом. Возможно даже, что там и в самом деле играли в карты. На следующий день после того, как ей приснился сон, она под каким-то предлогом приказала горничной принести карты и постоянно звала к себе из магазина девушек, чтобы снова и снова давать им поручения и присматривать за ними. Для того чтобы осветить неясное будущее, ей нужно только то знание, которое дает сновидение, так как оно соответствует ее цели достичь превосходства. Ей нужно подыскать подходящие аналогии, принципиально и буквально принять фикцию возвращения подобного⁵, проявляющуюся также и в индивидуальном опыте. И чтобы в конечном счете оказаться правой после своего выздоровления, ей надо было лишь повысить уровень своих требований. Тогда ошибки и упущения обязательно обнаружатся.

В качестве другого примера толкования сновидений я хотел бы воспользоваться сновидением поэта Симонида, описанным Цицероном, которого я уже касался раньше ("Об учении о сопротивлении"), разрабатывая свою теорию сновидений. Однажды ночью, незадолго до путешествия в Малую Азию, Симониду приснилось, что "один умерший, которого он с почестями похоронил, предостерег его от этого путешествия". После этого сна Симонид прекратил сборы и остался дома. Согласно нашему опыту, можно предположить, что Симонид боялся этого путешествия. И он воспользовался советом умершего⁶, который якобы был перед ним в долгу, чтобы напугать себя и защитить, испытывая благоговейный трепет перед могилой, предчувствуя страшный конец этого путешествия. По сообщению рассказчика, корабль утонул — это событие могло задолго пригрезиться сновидцу по аналогии с другими несчастными случаями. Впрочем, если бы корабль добрался до цели, кто мог бы помешать суеверным душам утверждать, что корабль погиб бы, если бы Симонид не прислушался к предостерегающему голосу и отправился на нем? Как мне стало известно от многих пострадавших от этого пациентов, один известный толкователь Библии предостерегал своих клиентов от угрозы самоубийства. Какое дешевое пророчество! Если они покончат с собой, он окажется прав, если останутся жить, то это будет сочтено полезным эффектом его предостережения и он опять-таки будет прав.

Таким образом, мы видим двоякого рода попытки предвосхищения во сне, решения проблемы, подготовки того, к чему стремится сновидящий в определенной ситуации. Он попытается осуществить это теми способами, которые соответствуют его личности, сущности и характеру. Сновидение может представить свершившейся одну из ожидаемых в

⁵ Более точным пониманием этой "фикции подобного", одной из важнейших гипотез, относящихся к процессу мышления вообще и к принципу каузальности в частности, я обязан своему другу и соратнику А. Хойтлеру.

⁶ Использование таких готовых, вызывающих аффекты образов воспоминаний, цель которых — вызывать аффекты и их последствия, занять осторожную позицию, а также вызывать отвращение, тошноту, страх, боязнь сексуального партнера, обмороки и другие невротические симптомы, еще будет подробно обсуждаться. Многое из этого описано мною в "Нервном характере" в виде символа (например, символа инцеста, преступления, уподобления божеству, бреда величия и унижения) или в качестве "Junrtini". Насколько мне известно, только профессор Гамбургер подошел вплотную к этой точке зрения. Подробное изложение этой невротической аранжировки см. в "Индивидуально-психологическом лечении неврозов".

будущем ситуаций (сон пациентки, боявшейся открытых пространств), чтобы в бодрствующем состоянии тайно или явно произвести затем ее аранжировку. Поэт Симонид испытал старое переживание, очевидно, для того, чтобы не ехать. Если вы твердо усвоите, что это переживание сновидящего, его собственное представление о власти мертвых, его собственная ситуация, в которой он должен решить, ехать или оставаться, если вы взвесите все возможности, тогда у вас обязательно возникнет впечатление, что Симонид видел этот сон и среди тысячи других образов выбрал именно этот, чтобы сделать себе знак и безо всяких колебаний остаться дома. Мы можем предположить, что наш поэт остался бы дома и без этого сновидения. А наша пациентка, боявшаяся открытых пространств? Почему ей снится небрежность и халатность ее подчиненных? Разве здесь не очевидно такое продолжение: "Когда меня там нет, все идет вкривь и вкось, а когда я буду здорова и снова возьму бразды правления в свои руки, тогда уж я всем покажу, что без меня не обойтись". Поэтому мы можем ожидать, что эта женщина при первом же своем появлении в магазине обнаружит всякого рода упущения и промахи, совершенные персоналом, так как будет смотреть глазами Аргуса, чтобы подтвердить свою идею о собственном превосходстве. Наверняка она будет права — и стало быть, она предвидела во сне будущее⁷. Таким образом, сновидение, подобно характеру, чувствам, аффекту, нервному симптому, аранжируется конечной целью сновидящего.

Я должен сделать одно пояснение, чтобы предупредить возражение, которое, несомненно, у многих уже на языке. Как я объясню, что сновидение пытается воздействовать на последующие поступки в будущем, если большинство наших снов кажутся непонятными и часто ничего не значащими? Важность этого возражения столь очевидна, что большинство авторов искало сущность сновидений в этих странных, неупорядоченных, непонятных явлениях, пытались их объяснить или же, указывая на непостижимость жизни снов, отрицало их значимость. Шернеру, а из новых авторов Фрейду прежде всего принадлежит заслуга в разгадывании тайны сновидений. Последний, чтобы подкрепить свою теорию сновидений, согласно которой сон представляет собой, так сказать, погружение в детские, оставшиеся неосуществленными сексуальные желания или, как он утверждал в более поздних работах, в желание смерти, искал в этих непонятных явлениях тенденциозные искажения, предполагая, что спящий, не сдерживаемый во сне ограничениями культуры, стремится все-таки удовлетворить в фантазии свои запретные желания. Эта точка зрения оказалась в настоящее время столь же несостоятельной, как и теория сексуальной обусловленности нервных болезней или нашей культурной жизни в целом. Кажущаяся непонятность сновидений объясняется прежде всего тем обстоятельством, что сновидение не является средством овладения будущей ситуацией, оно представляет собой просто сопутствующее явление, отражение сил, след и доказательство того, что тело и дух предприняли попытку предугадать, заранее предвосхитить ситуацию, чтобы личность спящего смогла справиться с предстоящим затруднительным положением. Таким образом, сопутствующее движение мыслей, протекающее в том же направлении, которого требуют характер и ядро личности, трудным для понимания языком, но там, где его понимают, указывает, пусть и неявно, куда этот путь ведет. Насколько необходимой является ясность нашего бодрствующего мышления и языка, подготавливающих наши поступки и действия, настолько же излишней она бывает во сне, который можно сравнить с дымом от огня, показывающим только, куда ветер дует.

Однако, с другой стороны, дым может открыть нам, что где-то есть огонь. И кроме того, опыт может научить нас определять по дыму, какие дрова горят. То, что остается в пепле сновидений, — это пробудившиеся чувства и эмоции, соответствующие жизненному

⁷ Нетрудно догадаться, что у Симонида, который как поэт стремился к бессмертию, согласно этому сновидению, была констелляция стража смерти, тоща как пациентка со страхом открытых пространств преследовала фиктивную цель господства, идеал королевы. Относительно первого случая см. также "Индивидуально-психологические данные о нарушениях сна", где, помимо прочего, указывается на связь детского страха смерти с профессией врача.

стилю индивида.

Если разложить кажущееся непонятным сновидение на его составные части и показать сновидцу, что означает для него каждая отдельная часть, то при некотором старании и проницательности возникнет ощущение, что за сновидением скрываются силы, стремящиеся в определенном направлении. Это направление проявляется и в остальной жизни человека и определяется его личностным идеалом, теми проблемами и затруднениями, которые были для него особенно чувствительными. В результате такого рассмотрения, которое, пожалуй, можно назвать художественным, выявляется жизненная линия человека или часть ее, мы начинаем видеть его бессознательный жизненный план, в соответствии с которым он стремится справиться с адаптацией к жизни и своей неуверенностью. Мы видим также, какими обходными путями он идет, чтобы избежать поражений и сохранить чувство уверенности в себе. И мы можем использовать сновидение, как и любое другое душевное явление, как саму жизнь человека, для того чтобы сделать вывод о его отношении к миру и к другим людям. С помощью средств личного опыта и использования обманчивых символов в сновидении отображаются все переходные моменты предвосхищения, соответствующие заранее поставленной цели, соответствующей жизненному стилю индивида.

Это приводит нас к дальнейшему пониманию поначалу малопонятных частных в построении сновидений. Сновидение редко дает такие картины, в которых бы всплывали последние события, образы настоящего (это опять-таки обусловлено особым характером сновидца). Для решения повисшего в воздухе вопроса используются, как правило, более простые, более абстрактные, более детские символы, нередко напоминающие выразительные поэтические образы. Например, чреватое риском решение замещается предстоящим школьным экзаменом, сильный противник — старшим братом, мысль о победе — полетом ввысь, угроза — пропастью или падением. Аффекты, проявляющиеся в сновидении, всегда представляют собой следствие подготовительной работы и предвосхищения, защиты от реальной проблемы⁸. Простота сцен сновидения по сравнению с запутанными жизненными ситуациями полностью соответствует попыткам сновидящего, устранив приводящее в замешательство многообразие различных сил в определенной ситуации, найти в ней выход, следуя своей руководящей линии по аналогии с наиболее простыми отношениями (подобно не подготовившемуся к уроку ученику, который не знает, что ему говорить, отвечая о законе взаимодействия сил, когда учитель задает ему вопрос: "Что будет, если вас кто-нибудь толкнет?"). Если бы в этот момент в комнату вошел посторонний, он бы посмотрел на задающего вопрос учителя с тем же недоумением, с каким это делаем мы, когда нам рассказывают о своем сне.

Однако непонятность сновидения связана с изложенной ранее проблемой, когда мы видели, что для защиты от определенных действий используется скрытое в бессознательном представление о будущем. Данное фундаментальное положение о человеческом мышлении и поведении, согласно которому бессознательная руководящая линия воплощает скрытый в бессознательном личностный идеал, я подробно излагал в своей книге "О нервном характере". Этот личностный идеал и ведущая к нему руководящая линия содержат тот же самый материал (мысли и чувства), что и сновидение, и те процессы, которые за ним скрываются. Внутренняя потребность, являющаяся причиной того, что душевный материал остается в бессознательном, столь сильно давит на мысли, образы, слуховые и зрительные восприятия во сне, что они, чтобы не подвергать опасности цельность личности, тоже остаются в бессознательном, или лучше сказать — непонятными. Вспомните, например, о сновидении пациентки, боявшейся открытых пространств. То, к чему она, в сущности, стремится в силу своего бессознательного личностного идеала, — это господство над своим окружением. Если бы она поняла свои сны, ее честолюбивые помыслы и поступки должны

⁸ Однако тенденциозно усиливаются благодаря обманчивому образу сновидения, если того требует защита жизненного стиля.

были бы отступить перед критикой со стороны ее бодрствующего мышления. Но так как ее действительное стремление направлено к господству, сон должен быть непонятным. Теперь становится очевидным, что если чрезмерные цели невротика удастся переместить в его сознание и там их сгладить, то все формы нервозности перестанут быть стойкими и начнется процесс выздоровления.

Теперь на примере выдержек из анализа сновидения одной пациентки, лечившейся у меня по поводу раздражительности и мыслей о самоубийстве, я хочу показать, как осуществляется толкование снов самим пациентом. Особое внимание я хочу обратить на то, что аналогии мыслей сновидения каждый раз проявляются в виде "как будто"⁹, с чего и начинается свой рассказ сновидица. Затруднительное положение пациентки заключалось в том, что она влюбилась в мужа своей сестры.

Сон про Наполеона¹⁰

"Мне снилось, будто я нахожусь в танцевальном зале, на мне прелестное голубое платье, я мило причесана и танцую с Наполеоном".

По этому поводу мне приходит в голову следующее.

Я возвысила своего зятя до Наполеона, ведь иначе и не стоило бы стараться отбивать у сестры мужа. (То есть ее невротическая сущность направлена вовсе даже не на мужа, а на то, чтобы возвыситься над сестрой.) Чтобы придать всей этой истории благопристойный характер, а также для того, чтобы не возбудить подозрения, будто к этому поступку меня побудила месть из-за того, что я опоздала, я вообразила себя принцессой Луизой, занимающей положение выше моей сестры, так что кажется вполне естественным, что Наполеон решает разойтись со своей первой женой Жозефиной, чтобы взять в жены равную ему по положению женщину.

Что касается имени Луиза, то я им давно уже пользовалась; один молодой человек спросил однажды, как меня зовут, и моя коллега, зная, что имя Леопольдина мне не нравится, без обиняков сказала, что меня зовут Луизой.

Мне часто снится, что я принцесса (руководящая линия), и это проявление моего колоссального честолюбия, которое все время заставляет меня во сне искать мост через пропасть, отделяющую меня от аристократов. Кроме того, эта фантазия рассчитана на то, чтобы при пробуждении еще болезненнее ощущать, что я выросла на чужбине, что я покинута и одинока; мрачные чувства, которые затем овладевают мною, приводят меня в такое состояние, когда я становлюсь резкой и грубой со всеми людьми, имеющими счастье быть со мною связанными.

Что же касается Наполеона, то я хочу отметить только, что раз уж я не мужчина, то я хочу преклоняться лишь перед теми, кто более велик и могуществен, чем остальные; впрочем, это не помешало бы мне в конце утверждать, что Наполеон преступник. (Сны о преступниках.) Кроме того, я могла бы только преклоняться, но не подчиняться, потому что, как это вытекает из другого сновидения, я хотела бы держать мужчину на привязи, и тогда... тогда мне хочется танцевать.

Танцы многое мне заменяют, поскольку музыка имеет огромное влияние на мое настроение.

Как часто во время концерта у меня появлялось страстное желание бежать к зятю и целоваться с ним до полусмерти.

⁹ Ср. Файхингер "Философия "как будто", Берлин, 1911. Теоретические взгляды автора в других областях полностью совпадают с моими взглядами в нейропсихологии.

¹⁰ Наполеон, Иисус, Орлеанская дева, Дева Мария, а также царь, отец, мать, брат и т. д. часто являются замещающими образами распаленной жажды превосходства и представляют собой направляющие, вызывающие аффект фигуры в душевной жизни невротика.

Я не желала *покориться любви* , а на мой взгляд, балы и любовь связаны между собою.

Я выбрала голубой цвет, потому что он больше всего мне идет, я была исполнена желанием произвести хорошее впечатление на Наполеона; теперь уже у меня появилось желание танцевать, которого прежде не было".

Можно было бы и дальше продолжать анализ этого сновидения, чтобы в конце концов показать, что бессознательный план этой девушки проистекал исключительно только из одного властолюбия, но с тех пор он настолько изменился и оказался ослабленным, что она не видит больше в танце личного унижения.

В заключение я хотел бы сказать, что сновидение представляет собой немаловажное для поведения душевное явление, что оно, словно в зеркале, способно отразить *процессы* и *установки* , которые нацелены на осуществление в дальнейшем определенных поступков. Что же поэтому удивительного в том, что душа народов во все времена с безгрешностью надындивидуального чувствования считала сновидение знаком, указывающим будущее? Великий Гёте, соединивший в своем творчестве, как в фокусе, все чувства человеческой души, прекрасно изобразил в одной из своих баллад этот "взгляд в будущее" и совершающуюся в нем подготовительную работу сновидения. Граф, возвратившийся из святых мест в свой замок, застаёт его разоренным и опустошенным. Ночью он видит во сне свадьбу карликов. А конец стихотворения таков:

*Теперь захотите вы, может быть, знать,
Что далее с графом случилось?
Что в ночь ту пришлось ему увидеть,
То после с ним в яве свершилось:
Веселый звук труб огласил этот дом,
Явились и гости: он стал женихом,
И свадьбу его пировали потом.
Так точно, как мы торжествуем,
Как мы теперь свадьбу пируем.*

Поэт достаточно ясно передает мысли сновидца о свадьбе и благословении детей.

Альфред Адлер